

**Форма выражения и место авторского «я»
по отношению к изображаемому в лирике, эпосе и драме**

Литературные роды разграничиваются характером и степенью проявленности авторского начала в произведении.

В лирике авторское «я» на первом плане, только через «я» представлен мир. Лирическое высказывание, как правило, строится от первого лица («Я вас любил» А.С. Пушкина) и крайне редко поэт обращается к форме третьего лица, якобы со стороны наблюдая за чужими эмоциями («Они любили друг друга так долго и нежно» М.Ю. Лермонтова), в которых репродуцируются свойственные ему чувства и мысли. Но стоит автору действительно устраниваться, уничтожить следы своего присутствия в мире стихотворения и сконцентрировать внимание на отчужденных от себя объектах, как лирический текст утрачивает родовые черты, трансформируясь в эпическое или драматическое произведение, написанное в стихотворной форме. «Бородино» - одно из немногих стихотворений Лермонтова, в котором субъективное «я» вытеснено диалогом и объективированным повествованием. Здесь лирический автор уступает место эпическому рассказчику, ветерану Отечественной войны, вспоминающему эпизоды знаменитого Бородинского сражения. Конечно, и здесь присутствуют излюбленные идеи Лермонтова («Богатыри – не вы!»), но поданы они от лица, вполне отделившегося от автора, живущего, можно сказать, самостоятельной жизнью.

Прямой противоположностью лирике является драма. Здесь «я» как форма, как структурная единица ничем не обнаруживает себя. Драматический автор делает собственное присутствие в мире, им созданном, неощутимым. Конечно, позицию автора можно установить и в драме (см. об этом в предыдущей главе). Но чем в меньшей степени «материализуется»

автор в кого-то из своих героев, становящихся рупором авторских идей, тем сложнее судить о его установках, идеалах, оценках, тем более дискуссионной становится его позиция. По словам Л.Н. Толстого, задача драматурга состоит в том, чтобы «представить самых разнообразных по характерам и положениям людей и выдвинуть перед ними, поставить их всех в необходимость решения жизненного, нерешенного еще людьми вопроса и заставить их действовать, чтобы узнать, как решится этот вопрос. Это опыт в лаборатории» (Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 52. С. 78). Очень точно определяет Л.Н. Толстой роль автора: заставить героев действовать и посмотреть, что из этого получится. Герои действуют как будто сами, сами за себя говорят. Пьеса строится как прямая речь персонажей. Каждый из них прямо, без посредничества автора обнаруживает себя перед читателем – словом и поступком, монологом и диалогом. Герои драматического мира не вспоминают о творце, этот мир создают они. И чем больше драматический талант автора, тем большая создается у читателя иллюзия жизненности, отсутствия «сделанности» этого мира. Страдает, задыхается рожденная летать Катерина в мире Кабаниных и Диких: крылья обрезаны, остается либо овраг с запретным утешением, либо омут, либо подневольная жизнь, которая страшнее омута. И отступает страх перед грозой Божьего суда за грешную жизнь, за самовольную смерть, потому что жизнь невыносима, а смерть оказывается единственным выходом. А Кабаниха и Дикой грозы не боятся, они сами для всех гроза. Для них суд людской страшнее Божьего суда. Но ведь от людей можно спрятаться. Так приводится в действие механизм лжи и лицемерия, ханжества и притворного благочестия. Такие, или подобные им, или вовсе другие мысли появляются у читателя (зрителя) «Грозы». Но порождаются они не авторскими подсказками и указаниями, а как реакция на слова, образ жизни, действия героев пьесы. Естественно, на один и тот же поступок реакция у разных людей может быть разная. Иная свекровь посочувствует Кабанихе: ну и строптивая невестка ей досталась. Иная невестка сделает вывод: «Раз у меня свекровь деспотичная, как Кабаниха,

найду-ка я себе в утешение какого-нибудь Бориса». В общем-то далекие от авторского замысла выводы могут делать и читатели эпических произведений, но там авторская воля выражается все же более отчетливо.

В эпическом произведении авторское «я» находится на втором плане, но присутствует в тексте. Степень присутствия зависит от избранной формы повествования – от первого («Я ехал на перекладных из Тифлиса» - «Тамань» М.Ю. Лермонтова) или третьего («Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров» - «Дубровский» А.С. Пушкина) лица. От первого лица может выступать один из персонажей или свидетелей происходивших когда-то с кем-то событий, а также рассказчик, выключенный из сюжета, но откуда-то узнавший историю, которую он пересказывает читателю. Во всех этих случаях повествователь характеризуется неполнотой знания (не может же ограниченный в пространстве и во времени человек все видеть, всюду присутствовать, все знать) и нескрываемой субъективностью оценок, что дает читателю большую свободу для собственных суждений. Вместе с тем форма повествования от первого лица создает иллюзию достоверности, невымысленности сообщаемого в тексте. Нам ведь об этом рассказывает человек, присутствовавший при событиях или узнавший о них из источника, заслуживающего доверия. Петр Гринев в «Капитанской дочке» рассказывает о том, что с ним самим происходило, или о том, чего видеть сам он не мог, но узнал из рассказов родных или знакомых. В случае избрания формы от первого лица автор обязан мотивировать свои знания, объяснить, каким образом он их получил.

Форма от третьего лица предполагает дистанцированное изображение событий, источник знаний о которых не оговаривается, неким безличным субъектом. Перед нами всеведущий автор, портрета, роли в сюжете, биографии и т.п. личностных проявлений которого в тексте не обнаруживается. Кто-то нам рассказывает о событии, но фактических данных

об этом «кто-то» читатель не получает. «Я»-повествователь живет в том же мире, что и другие персонажи романа, повествователь от третьего лица находится за пределами вымышленного мира героев. Информация о сфере его обитания от читателя скрыта.

Но независимо от того, ведется повествование от первого или от третьего лица, авторское «я» присутствует в эпическом тексте. В первом случае в большей или меньшей степени «материализованное», то есть как человек, наделенный определенной индивидуальностью. Во втором – незримо, как всеведущий Бог, который не выявляет своего присутствия непосредственно, но дает нам свидетельства своей воли.

Воля автора, вне зависимости от формы выражения авторского «я», дает о себе знать в особых речевых структурах: повествование, описание (портрет, пейзаж, интерьер) и характеристика, то есть прямая оценка события, явления, характера. Эти речевые структуры полностью редуцированы в драматическом произведении (в крайне урезанном виде они могут находить выражение в речи персонажей пьесы). Через них осуществляется посредническая роль автора, определяющая специфику эпического способа воссоздания мира.

В драме мы непосредственно наблюдаем за действиями персонажей. Мы видим эти действия «своими глазами». В эпическом произведении между миром героев и читателями находится посредник – автор. Это его глазами мы видим происходящее, это он выбирает, что рассказать нам, а о чем умолчать. Это он определяет, *как* рассказать. Согласитесь, одно и то же событие, рассказанное разными лицами, будет выглядеть по-разному. В повести Пушкина «Выстрел» эпизод дуэли рассказывается двумя рассказчиками, участниками дуэли: сначала Сильвио, затем графом. Каждый из них владеет разным объемом информации, у каждого свое отношение к происходящему, понимание ситуации каждым из них ограничено рамками его миропонимания. Вообще Пушкин любит образ рассказчика, ограниченного возрастом, полом, образованием, воспитанием и тем самым не внушающего

полного доверия читателю. В цикле «Повести Белкина», состоящем из пяти повестей, сменяют друг друга чем-то и в чем-то ограниченные рассказчики. А объединяется цикл образом Белкина – человека простого, наивного, смиренного, добросовестно в меру сил своих передающего то, что сообщено ему разными лицами. Так, «Выстрел» рассказан подполковником И.Л.П. Создавая столь сложную сеть опосредований, Пушкин отделяется от своего творения, дает ему самостоятельную жизнь, не демонстрируя свою точку зрения. Указанием на субъективность рассказчика, не могущего нести абсолютную истину, дается большая свобода читателю, который доверяет рассказчику не до конца и пытается скорректировать изображение по своему разумению.

В отличие от Пушкина Л.Н. Толстой (особенно поздний) создает образ рассказчика, убежденного в том, что он владеет абсолютной истиной, не нуждающейся в корректировке читателя. Тон повествования в «Воскресении» безапелляционный, категоричный, не знающий сомнений. Здесь читателю не дается право для собственных оценок. Здесь оценки выносит автор.

Но кто бы ни представлял им свой мир – оставляющий последнее слово за читателем Пушкин или суровый проповедник и моралист Л.Н. Толстой – героев и события эпических произведений мы видим через посредничество автора, авторское «я» определяет, что и как преподносится читателю.

Современник Пушкина, писатель и философ В. Одоевский полагал, что предрасположенность разных исторических эпох к эпическому или драматическому роду определяется именно характером авторского начала в них: «Существенное различие между эпопеею и драмою может быть определено таким образом: в драме поэт совершенно отделен от действующих лиц; каждое из них должно существовать самобытно. Характер каждого должен составлять особый мир резко отличный от мира других характеров; в эпопее поэт - рассказчик; действующие лица характеризуются его собственным характером, нам интересны не столько сами лица, сколько

то, как понимал их поэт; мы привлечены его точкою зрения, тогда как в драме мы сами становимся на сию точку зрения. Это различие основывается на самой природе человека: мы или видим сами, или нам рассказывают; в первом случае мы скептики, мы судим сами; для рассказа же необходима вера в рассказчика. Сим может быть можно объяснить, отчего в религиозные эпохи являются наиболее эпопеи; в скептические – драмы. Вальтер Скотт, явившийся в конце скептической эпохи, придал своим романам характер драматический. Вольтеру, не христианину, не удалась эпопея, как и всему его веку. Заря религиозного характера нашего века явилась в эпопеях Байрона. Из сего можно вывести необходимость заставлять каждое лицо в драме говорить особенным характеристическим языком – требование не столь важное в эпопее, несмотря на то, что драматические места ее должны подвергаться общему характеру драмы, поскольку они входят в эпопею» (Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М., 1982. С. 87 – 88).